

Лим Ворд

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ ДЛЯ
ЭКРАНИЗАЦИИ**

Лим Ворд
**Фантастические истории
для экранизации**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27614333

ISBN 9785449000415

Аннотация

Четыре фантастические истории, всемерно подходящие для создания фильмов или эпического сериала. Особенности трансплантации разума, рабовладение на фоне высокоразвитого технократического общества, животные, эксплуатирующие людей и путешествия по сфере Дайсона ожидают вашего внимания. Смешно и немного грустно.

Содержание

Наследник	5
Новые люди	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Фантастические истории для экранизации

Лим Ворд

© Лим Ворд, 2017

ISBN 978-5-4490-0041-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наследник

Ура! Мне исполнилось двенадцать лет!

Куча подарков, от всех моих двух мам и четырех пап! Но, что это? Машинка на веревочке? Этого дарителя я могу исключить из завещания! Надо быть серьезней. Ведь я уже взрослый.

Кстати, пока не забыл новое имя.

Меня зовут Дин.

Вчера успешно прошел экзамен на детскую непосредственность. С этого дня нужно заполнять кучу всяких анкет, намного больше обычного. Все о самочувствии – нет ли сердцебиений, кошмарных снов, депрессии. И – страничка раз в месяц – что придет в голову. Записной книжкой можно пользоваться только мне. Электронный замок открывается, если я гляну в скважину и скажу «Сим-Сим, откройся». Так предписал мой личный врач Макс, добавив, что, помимо возможности свободного выбора я имею право на... как это? конфиденциальность. Вообще, много разных докторов интересуется мной: психологи, биологи, психофизики, их помощники. Вот и пишу, аккуратным почерком, доклад обо всем, что вижу. Скоро я поближе познакомлюсь со всеми моими папами и мамами – стараюсь быть хорошим мальчиком.

Эдгар – самый любимый мой папа. Он классный серфер.

Каждый день прошедшего месяца брал меня к Океану, ловить Волну. Думаю, «Волна» надо писать именно так, с большой буквы, как он и произносит это слово. Здорово – стоять в потоках бриза, катиться на доске по заворачивающейся в рулет воде к жаркому берегу. Конечно, сначала получалось не особенно то, но папа Эдди терпеливо всему меня выучил. Он остался доволен, как точно я заимствую его движения и принимаю положенные наставления.

После катания мы обычно заходили в пляжный бар, отец заказывал себе виски, коктейли, а мне – разрешенную детям газировку или чай. Я знаю, у него что-то не так с желудком, но он особо не беспокоится об этом, так как рассчитывает теперь на меня. Кстати, чтобы войти в систему Наследников и свести со мной знакомство, он продал большую часть своего бизнеса. Четкий папа. Мне запомнилось особенно, как Эдди покручивает в руке бокал со своим жгучим взрослым напитком, делает глоточек за глотком, счастливо жмурится и улыбается: «Скоро, Дин, сынок, ты тоже сможешь так, тогда поймешь, как это вкусно».

Папа Дак. Ему за восемьдесят, но все еще очень бодрый. Фамилию – Рокфеллер, все обычно произносят шепотом. Он тоже почему-то уверен во мне, как в самом себе. Считает, что глупенькому мальчику, то есть, мне, необыкновенно с ним повезло.

Мы уже побывали пять раз на собираемом им совете директоров корпорации. После заседания Дак давал мне поси-

деть на его, заглавном стуле с высокой спинкой, за могучим, наверно, в половину теннисного корта, столом. Ничего, между нами, мальчиками, такого, особенно заманчивого. Директора все какие-то скучные, озабоченные ерундой, разговаривают будто бы одними цифрами. И еда так себе – бесконечная яичница с беконом, тосты, апельсиновый сок и теплое молоко.

Еще Дак показывал мне карту мира, на ней стрелки, флажки и опять – глупые цифры. Сказал: это обязательно будет наше. Моё. Точней, наверно, его. Запутался этот Рокфи. Но, кажется, все же, Дак меня по-своему, любит – порозовел, будто очнулся от дурного сна, от себя не отпускает ни на шаг. Ну, что Дин?

Я не решил, хочу ли быть таким, как Рокф, такое вот унылое богатство меня особенно не привлекает. Лучше иметь обычную, среднюю фирму по изготовлению интересных вещей – аквалангов, гидрокостюмов, масок с трубками – но при этом сколько хочешь кататься на серфе, без скучных директоров и стерилизованного молока. Быть чемпионом пляжа, танцевать с веселыми девушками ламбаду, самбу и задушевно играть на банджо.

...Этот месяц провел с мамой Линдой. Она вся такая фирменная. Вся, от супермодных туфель, до шляпки от кутюр. Наверное, ей тридцать четыре – хотя опыта в таких вещах у меня мало. Макс намекнул, этой даме за семьдесят. Однако

женщина заботится о своей внешности так, как никто. Посещает курсы личностного роста. Не желает стареть, а это самое главное для сохранения здоровья и внешней привлекательности.

У этой мамы огромный, словно автобус, шкаф, с горами одежды. Она, если честно, уговорила меня примерить костюм девчонки-тинэйджера. Наверное, сохранила его в сундуке-морозильнике с тех времен, когда носила его сама.

Накрасила мне губы и подвела брови тушью.

Примеряла, особо не стесняясь моего присутствия, мужские штаны, костюмы, куртки. Вставала рядом, приобнимала, смотрела в широкое зеркало и, запрокинув голову, долго хохотала.

Папа Эрвин.

Он, конечно, не катается на серфе, как чемпион пляжа, но зато – мастер всего! Своя фирма по производству человекообразных молодцов, помогающих пожилым обслуживать себя. И другие у них бывают дела – сражаться с людьми, лазить под водой, чинить буровые вышки, и все такое. Эрвин сказал; раньше было даже больше чем много, заказов на личные аватары.

– Одень-ка вот это, сынок, – папа поднес ко мне шапку с зеркальными очками. – Стандартный, мягкий, удобный шлем аватара, гордость фирмы. Каким находишь дизайн? Удобно? Сейчас ты станешь сильным, стойким, почти бес-

смертным. Хочешь быть наследником всего этого?

Он слегка закашлялся.

Я ответил в том смысле, что, вот, в Интернате нас почти ничему не учили, запрещали помнить что-то слишком долго, редко разрешали смотреть телик, чтобы не забивать мозги ерундой. Часто меняли имена воспитанников. Вообще-то я считался там слишком даже умным, хотя и не настолько, конечно, чтобы выйти в брак. Это все интересно, но нужно хорошо подумать.

– Потребуется еще это, – папа сунул мои ноги в колкие ботинки, на руки натянул перчатки с будто бы живыми присосками, тотчас всосавшимися в кожу. – Картинка пошла? Это вид из аватара. Теперь ты можешь заставить свое воплощение двигаться, делать все то, что тебе нравится.

Я повел рукой, пошевелил ногой – в соседней комнате что-то зажужжало; изображение дернулось, поднялось и поплыло.

– Молодец, сынок! Иди сюда!

Я быстро сообразил, что к чему, и, толкнув пластмассовой рукой робота дверь, ввалился в нашу комнату.

– Можешь переключиться на другой аватар, – предложил папа, справившись с очередным, напавшим на него кашлюном. – Прогуляешься по краю Ниагары?

В глаза впрыгнуло новое изображение, еще более объемное и четкое, чем минуту назад. Ревущая косматая вода, под ногами пропасть, наверное, в милю, за полосатой железной

решеткой – равнодушно глядящие на меня туристы.

По мостику, перекинутому через водопад, ходили туда-сюда подобные мне пластмассовые увальни, порой наклоняясь и всматриваясь в глубину.

– И ты так сможешь, Дин, – подзадорил отец. – Хочешь прыгнуть вниз? Давай! Для тебя не жалко и самой продвинутой модели.

Я, чуть поколебавшись, шагнул в пропасть. Изображение замелькало – край обрыва – небо – вода – пузырьки, зарябило и схлопнулось в точку. По спине пробежали мурашки, я вздохнул, встряхнулся и пришел в себя. Ну, и что?

Я снял шлем, подошел к столу и выпил воды.

– Понравилось?

– Да, отец.

– Второй, третий, и последующие разы будет не так, к сожалению. Сначала людям интересно присутствовать в таком теле – но кайф быстро сходит на нет. Ведь робот, на самом деле, не ты. Даже над глубокой пропастью, после пары повторов, не чувствуешь приятного волнения, ощущения подкравшейся тайны. Адреналин почти не выделяется, пульс ровный, как при просмотре далекой войны по телевизору. Смех, а не восхитительный ужас. Успех аватары имеют в боях с живыми людьми, на этом держится фирма, но... но. Сейчас на высоте другие методы, и ты, сынок о них хорошо знаешь.

Папа снова зашелся кашлем, нырнул под занавеску, гло-

тать медицинский кислород.

Мы еще стреляли в тире из духового ружья, посещали аквапарки с подобием Волны, детские рестораны, где поедали, на спор, чудесные торты, еще Диснейленд и завод по производству всяких разных шагающих железок.

Ну что, Дин, думаешь?

Подписать ему, как говорят, свою квартиру?

Софи. В библиотеке этой моей мамы – наверное, десять миллионов книг. И в библиотеке Конгресса ты столько чита не отыщешь. Постоянно курит в кресле-качалке, которое является одновременно каталкой. Разговаривала со мной немного. Наверно, хотела дать мне свободу – чтобы я только по своей воле рассматривал ее книги, фотографии, наливал чай, отдавал распоряжения поварам, горничным и прочей прислуге. Возился с ее рычащими собаками.

Дом у этой мамы, надо заметить, превосходный. Сад с голыми статуями, прудами, беседками, множеством деревьев и цветов. Яблоки можно срывать из окна. Еда тоже классная – фазаны, перепела, куропатки, ракушки, осьминоги, икра. Ешь – не хочу. Соки – обязательно – свежавыжатые, не то, что в Интернате, жидкие, из пакетов. Икра не понравилась. Пахнет рыбьим жиром, который давали мне воспитатели для мозга. Мама сказала, нужно полюбить. Даже разлилась, когда я отодвинул вазочку в сторону. Два раза повторила «Ешь, дорогой, это же очень, очень вкусно». Но я – не хочу. Имею

право на выбор.

Сейчас Софи питается растворами из капельниц. У нее проблемы с пищеводом, на всем его протяжении, а некоторых органов, как понял, вообще не хватает. Врачи хотели запретить ей курить, но, на самом деле, это моя мама указывает всем, что им нужно делать.

Не могу понять, насколько я ей глянулся. И так ли это важно? В любом случае, она оплатила существенную часть моего содержания в Интернате, подарки, приходящие почти каждый месяц, расходы с самого рождения, включая страховку биологических родителей, и что-то еще. Это достойно уважения. И, в общем, мне самому понравился этот дом, еда, райский сад и яблоки.

Папаша До-До. Он сам велел так себя называть. Почему – не знаю, и не спрашиваю. Пойму все, если подпишу на него. Надо подумать лишь: хочу ли я быть до такой степени умным?

Если у папы Эрвина один кабинет с парой кислородных баллонов, то дом До-До весь, от подвала до чердака – первоклассная клиника. Лишь одна комната без запаха лекарств и пищущих приборов, – и она предназначена для меня.

Этот отец мало похож на остальных кандидатов. Кресло-каталка с баком, в котором среди капельниц, пластиковых мешков с булькающими жидкостями, проводов и шлангов, с трудом угадывается голова, сморщенное туловище

и шевелящиеся пальцы руки. С вождением в стиле стритрейсер надо быть осторожнее!

До-До общается через присоски на пальцах, соединенные с компьютером. На экране, целыми днями, вечерами, я терпеливо, покорно, по-сыновьи, читал непонятные слова о запутанных микрочастицах, связях родственных объектов, пси-каналах и спаренных морфогенетических системах. Не понимаю. Но папа До-До считает, мне все это нужно впитывать прямо сейчас.

Каким-то боком этот мой отец связан с организацией Наследников. Кажется, подводит разговор со мной к тому, что кое-что в ней пошло не совсем так, как он рассчитывал. Но, если я ему помогу, именно что, известным мне способом, он все исправит, как надо.

Макс сказал, только по очень строгому секрету; если ты не знаешь, кого выбрать, тяни жребий.

– Главное – не раздумывать долго, сберечь мозги, ведь в любом случае ошибешься!

Макс – веселый, спортивный, весь такой вот, знаешь ли, разумный. Хотел бы и я быть похожим на него, но доктор не входит в число моих отцов. Даже если ты – врач солидного учреждения, все равно, вряд ли скоро накопишь денег на такого здоровенького, подходящего тебе по группе крови, строению мозга и многим, многим другим признакам, сыночка.

– Вот твоя камера. Ты еще ее не видел? Правда, она кра-

сивая? Верь мне, друг; все непременно будет хо-ро-шо.

Камера похожа на перетянутое веревкой, сваренное вкрутую, очищенное яйцо. В моей половине она – чисто черная, с выпирающими внутрь, словно пальцы, бугорками. Смысл, этого, объяснил Макс весело, чтобы не было лишних, ложных отражений твоего тела. Излучение организма по всей глубине должно быть специфическим, истинным, и без примесей лучей аппарата.

Я посидел на стуле, тоже, сплошь черном, будто выдавленном из пола. Напротив, в помещении-близнеце – такое же сиденье, но белое, зеркальное, как и все там.

Врачи сняли с меня еще показания, заставили раздеться, походить по своей половине камеры, садиться и вставать. Включали и выключали странный, такой как бы, знаешь, дребезжащий свет. Маяк и Колокол – главные инструменты этого Яйца. Они, как поведал мудрый Макс, увеличивают количество спутанных частиц в подобных, однако не полностью идентичных объектах. Таким образом, равный душе узор нейронных связей мозга без труда передается другому, относительно чистому биообъекту.

Я лучше пойму это, когда стану взрослей?

Недавно я познакомился с Мари. Девочка чуть младше меня, темноволосая, худенькая, но бойкая. Ее привезли к нам из другого, неизвестного мне интерната для воссоединения с одним из родителей.

Мари много рассказывала о своих мамах и папах, показывала фотографии, делилась подарками. Больше всего ей понравилось быть с мисс Элизабет Райсс, которая живет на острове, застроенном высоченными небоскребами – но и месяц, проведенный с папой Джо, оказался просто незабываемым. Они ездили в Диснейленд, затем на ранчо, где много лошадей и пони.

Еще Мари поведала о порядках, заведенных в ее прежнем интернате. У них, оказывается, дети вообще не смотрят телек, зато кучи плюшевых игрушек, широкий и теплый бассейн, фисташковое мороженое в свободном доступе. Учат меньше чем у нас. Подруга еле-еле умеет вырисовывать печатные буквы. У нее тоже есть дневник с замком, но она почти ничего не написала.

Мари считает меня очень умным. Объявила всем, что я – ее защитник. Ну, что же, пусть так.

Мари почему-то думает, что папы и мамы – только те, наследниками которых мы станем. Вообще, и я до сих пор не понял, что значит «войти в наследство». С одной стороны, у нас где-то есть «биологические родители», о которых мы ничего не знаем, а с другой – мамы и папы, которые все старые, или чем-то болеют, но всегда добрые и заботливые.

Мари не задается слишком сложными вопросами. Когда я начал спрашивать о Контракте, она ответила, что, действительно, когда-то ей предложили написать свое имя на листе с кучей слов. И, словно предлагая прекратить излишне слож-

ный разговор – сунула мне в руки конструктор «Лого».

Но я, между прочим – люблю задавать вопросы и запоминать новые слова.

Девочке очень понравилась местная игровая комната. Говорит, даже лучше, чем в ее прежнем интернате. Светло, просторно и не шумно. Играем мы здесь вдвоем – но мне вполне хватает общества Мари, врачей, иногда заходящих нас проведать, и еще двух кошек.

Кошек нам подкинул Макс, из помещения, расположенного рядом с уже знакомой мне Камерой, прибавив при этом, что для экспериментов они не понадобятся. Еще из этой «биологической лаборатории» нам дали старое оборудование, пригодное для игр – мячи со значками, маленькие ворота и кормушки, похожие на лабиринт.

Старая облезлая кошка – просто настоящая циркачка. Она умеет выделывать всякие смешные штуки. Ее, конечно, долго дрессировали. Увидев лабиринт, Джесс запрыгнула в него, дошла до кормушки и нажала рычаг. Не дождавшись угощения, недовольно зашипев, кинулась к мячам, растолкала их мордой и лапами по воротам так, что знаки на шариках и корзинках точно совпали.

Снова уселась, неприятно мяукнула и вопросительно посмотрела на нас.

Котенок с разорванным ухом, названный моей новой подругой Марси, ничего подобного не умеет. Зато он очень ласковый, – залезает нам на плечи, мурлычет и щекочет усика-

ми.

...Пришли врачи из лаборатории, буркнули, что, мол, животные попали к нам сюда по ошибке, эксперимент еще не закончен. Затолкали котенка и кошку в клетку, и уволокли с собой.

Вернули через два дня, так же неожиданно.

Кажется, с нашими питомцами произошли перемены. Старая кошка перестала, как прежде, лазить по лабиринту в поисках еды, потеряла всякий интерес к мячам и игрушечным воротам. Зато стала доверчивей, и совсем перестала шипеть. Пыталась взбираться на нас, чтобы поиграть, но лапы не держали, и она сваливалась.

Марси, наоборот, полюбил лабиринт, без ошибок находил правильный путь, заталкивал мячи в ворота, словно заправский футболист.

Мы играли с мячами, кошками, кубиками «Лого», ели яблоки, пили молоко. Все отлично! Но вдруг Мари заплакала.

– В чем дело? Это потому, что рассыпался наш домик?

– Дин! Уже завтра приезжает моя мама. Она увезет меня с собой, очень далеко. Врачи сказали, мы расстанемся, тут ничего не поделаешь. Но, я хотела бы дружить с тобой всегда. Давай сбежим отсюда?

Я ответил в том смысле, что дежурные доктора все преувеличивают, мы еще встретимся. Верь мне! Все, как гово-

рит Макс, будет хо-ро-шо.

Мари немного повеселела, обещала отдать подарки, которые обязательно привезет мама Райсс, и снова принялась играть.

...Этой ночью не спалось. Хотя детей здесь почему-то считают не слишком умными, я кое-чему научился. Открывать двери. Легко! Я и Мари показал, как это делается. Надо лишь нажать на истершиеся кнопки электронного замка. Тогда огонек станет зеленым, в дверях щелкнет – и можно бродить по корпусу.

Я крался по коридорам, тихонько, словно котенок. Будто знал, где снова смогу увидеть свою подругу.

Мари шла к турникету на выход. Увидела меня, остановилась и что-то быстро сказала сопровождающим ее врачам.

Появились дежурные санитары.

– Мари!?! – выкрикнул я, больше ничего не смог придумать.

В этот момент в другом конце коридора распахнулись двери. Из них почти ползком выбралась очень старая женщина – бледное худое лицо, выцветшие глаза, всклокоченные седые волосы. Что-то в ней показалось знакомым. Элизабет, мама Мари? И... не только она.

– Дин, это я! Помоги!

Что за чудеса?

Здоровенный санитар схватил мисс Элизабет и утащил

вглубь коридора, несмотря на все ее крики. Не думал, что с почтенными родителями, спонсорами всей организации Наследников, можно так себя вести.

Когда я повернулся, Мари уже куда-то ушла.

Все это произошло быстро, так, что я даже не уверен, было ли на самом деле. Мари предала меня? Такие они, девочки.

Ну, пусть так. Скоро ко мне тоже приедут.

Выбор я сделал. Имя на бумажке, вытянутой из горки таких же листиков в бейсболке. Подписал документ, передал весть Максу, он похвалил меня и отправил сообщение тому, кому сегодня повезло. Ладно, все.

Пора спать.

Привет! Я снова с вами! Сообщения рассылаются по всему Земному Шару. Компаньоны, директора филиалов, менеджеры среднего звена и рядовые работники! Жду поздравлений с моим новым днем рождения!

Салют, мои милые собачки! Кто это тут на меня рычит? Ах, да, новый запах, без амбре табака и лекарств. Надо привывать.

Теперь можно, как мечталось все эти годы, выбежать в сад на юных ногах, наестся живых, сорванных с ветки своими руками, яблок.

Созвать внеочередной совет директоров.

Бросить курить – теперь это без труда.

Запланировать приятное путешествие в экзотическую страну.

Сим-Сим! Откройся! Ты мне тоже понадобишься, книжка с замочком. Надо лишь выдернуть несколько страниц с चुжими закорючками – не пропадать же, на самом деле, добру!?

Приятно, когда, после девяноста восьми, тебе опять двенадцать, пусть уже, с половиной, лет. Хорошо быть такой мамой. Позвольте, как же это мальчики ходят в туалет по-маленькому? Необычно, конечно, но, оказывается, необычайно удобно.

Конечно, я быстро разберусь во всем. Все будет, как говорит мой врач, хо-ро-шо! Если человек упорным трудом заработал достаточные средства, он в состоянии решить любой вопрос. Главное – не ныть, держать нос по ветру, никогда не сдаваться. Тогда весь мир обязательно повернется к тебе лицом. И, да, вот еще что.

Можно есть, сколько хочешь, икру.

Новые люди

Джо потянул ручку на себя, чуть влево, вправо и вертолет, потанцевав в воздухе, выровнялся.

– Надо приземлиться в районе 30—40, – хмуро выговорил Джо. – Керосина осталось на двадцать пять, едва ли тридцать минут. А еще необходимо смазать шестеренки хвостового винта.

– Это чье же государство? – Роджер кивнул на равнину, покрытую миллионами кочек и нор.

– Крыс, разумеется, – Джо хохотнул. – Кто же еще мог превратить поле в дырчатый сыр? Понадобилось всего то три недели усиленного ковыряния.

– Крысы? Нонсенс. Мы пролетали здесь с Франсуа два месяца назад, с грузом для крупной общины земноводных. В секторе Аллиен-5 проживают преимущественно крокодилы, потом бегемоты и черепахи.

– Где ты видишь каналы? – ехидно осведомился Джо. – Он передал управление коллеге, поправил на взмокшей голове выцветший шлем, достал из потайного кармана надломанную сигарету, лязгнув три раза самодельной зажигалкой, задымил. Ни одного. Крокодилы жить не могут без того, чтобы совершать ежедневный моцион по своим вонючим канавам. Крысы отвоевали этот жирный кусок недвижимости всего месяц назад, и вот, гляди-ка, успели переиначить все по-сво-

ему.

– Быстро работают. Молодчины, – уныло выдавил Роджер и, небрежно прижав ручку управления коленом, вновь потянулся к летной карте. – Где-то здесь, говорят умники, процветает богатенький и бесхозный городок.

– Все верно, сынок, – изрек Джо. – Но города в нейтральных зонах ненадежны. Помнишь братьев Соляров? тех, что летали на каркасе, обшитом фанерой? Их корова жрала все, от машинного масла до коллекционного виски. Они также решили подзаправиться из бензоколонки забытого городка.

– И что? – помедлив, спросил Роджер.

– Исчезли вместе с вертолетом.

– И все же придется идти на риск. Он оправдан. – Пилот сунул карту в переплетение проводов, проросших под панелью, вытянул копящийся у губ бычок и вышвырнул сквозь дыру в фюзеляже. – Не хотелось об этом говорить, но ведь, правда, во всех наших тайничках не осталось ни капли того, что способно как-то гореть. Если мы перестанем выполнять транспортные заказы, скоро за долги у нас отнимут геликоптер, а самих определят рабочими во владения мукомолов. Представь меня, дряхлого Джо Пенкина сутками впряженным в мельничное колесо союза разумных ослов. Может вам, молодым парням повороты фортуны нравятся, а я от таких развлечений отхожу.

– Ты мог предупредить меня, – проворчал Роджер. – Я

захватил бы железку.

– Зачем заранее думать о неприятном? – философски промолвил Джо. – А насчет твоей уважаемой железки, – в салоне, под кожанкой Франсуа.

– Все при ней?

– Ведро патронов, все в смазке.

– Ладно. Садимся. Делать то нечего.

Вертолет заложил вираж над полоской леса, снизился до верхушек линий электропередач и понесся вдоль шоссе, разметывая клубы пыли и жухлые картонные коробки. Этот маневр практиковали братья Соляры, утверждая, что он вводит жителей незнакомого местечка в состояние паники.

– Местные, если они есть, примут нас за фургон бандитов?

– Да.

– Примутся баррикадировать дорогу?

– Правильно.

– А мы тем временем произведем полукруг, и будем спокойно доить бензобаки на противоположном конце города?

– Именно.

– Это поможет?

– Не знаю.

– Опять!

Роджер выхватил тетрадь и принялся неистово черкать промасленные страницы огрызком химического карандаша.

– Всего то круги на полях, – Джо тихо ругнулся. – Ежи

в сезон спаривания носятся по колоскам и выводят бессмысленные узоры. Пора их отстреливать, травить паразитов лежалыми удобрениями «Трансформик-10». Колонии людей они доставили немалый ущерб. Когда ты, Роджер перестанешь верить в послания свыше?

– Эти рисунки все сложнее. Это предупреждение, Джош.

– От кого?

– От инопланетян, конечно. Посмотри вот на эти овалы, соединенные кривыми линиями. Если представить, что они знаки разума, входящие в бесконечность, обозначаемую тремя ромбами...

Джо так круто потянул ручку на себя, что фасад многоэтажного дома на мгновение показался продолжением шоссе. Из расколоченных окон вылетела стая испуганных голубей. В салоне вертолета что-то ужасно врезалось в стенку, прокатилось по обшивке и разлилось в воздухе продолжительным реверберирующим звоном.

– Сейчас меня стошнит, – страдальчески простонал Роджер. – Как надоели эти хитрые маневры!

– А я надеялся, тебя это отвлечет от мрачных мыслей, – кротко улыбнулся старший пилот. – Но, вон, смотри, не бензовоз ли стоит возле э... супермаркета?

– Это перевозчик мусора, – с ходу определил Роджер. – Если книжки не врут, на таких тачках раньше перевозили контейнеры с отходами.

– Зачем?

– Ну, чтобы не мешались возле дома.

– Не проще ли было сжечь мусор во дворе? Или прикопать? А лучше оставить про запас?!

– Я тоже не втыкаюсь, – Роджер вздохнул. – Ну вот, в мусоре могут завестись дикие крысы. Или ядовитые насекомые.

– С крысами договориться легче, чем со свиньями, – авторитетно заявил Джо, сунул ладонь в гнездо из проводков и, достав оттуда треснутые поляризационные очки, водрузил на нос. – Ты же знаешь, Лори и Пик наши верные друзья. Нельзя говорить обо всех крысах пренебрежительно.

Пилот ухватил орган управления обеими руками и лихо установил вертолет на площадь, запруженную разномастными автомобилями.

– Страшно здесь, правда, – Роджер, первым выскочивший на асфальт взволнованно мял бейсболку. – Хоть бы звук какой.

В дверях вертолета появился Джо. Он сжимал два лоснящихся цинковых ведра. Вокруг плеча свивался кольцами черный шланг.

Э! – крикнул он, взглянув на бледное лицо напарника. – Скис? Держись бодрей. Не забудь свою шарманку.

С этими словами пилот пошагал к горе битых машин, от которых спустя десятилетия после Освобождения все еще разило смесью гари и бензина. Глядя на него, Роджер встряхнулся, запрыгнул в вертолет, схватил пустую канистру, заки-

нул за плечо ручной пулемет и заторопился следом.

Джо облюбовал длинный черный «Линкольн», каким то образом влезший в кузов дальнобойного грузовика. Хищными пальцами раскрыл дверцу, пощупал кожу на сиденье, выхватил перочинный нож и ловким движением взрезал обивку.

– На курточку для Томми.

– Братец будет доволен, – одобрил Роджер. – Он подцепил заржавевшую крышечку ногтем, вставил шланг в горловину бензобака и, сморщившись, приник ртом к противоположному концу. Сделал три глубоких глотка. Через секунду томительного ожидания в залатанную канистру устремилась струя пахучего горючего.

Спустя два часа машинного доения главный бак вертолета, а также два запасных были заполнены мутной смесью высококачественных бензинов и дизельного топлива.

Посмотрим что в лавчонке? – Роджер вытер губы платком, выпрямил спину. – Витрины давно очищены. Но чувствую, здесь сохранилось немало всякого хорошего. Нам надо провести обширную ревизию.

– Можно. – Джон заглянул в пустой рюкзак, подняв тучу пыли, резко встряхнул. – Хотя мысль, что нас втихую пасут, не покидает голову.

– Джо, это нонсенс! – напыщенно молвил Роджер. – Мы единственные монархи этого городка. Мы с тобой царьки? Странно, правда. Но оказывается, довольно приятно.

Пришельцы тихо прошагали в коридор подсобки разгромленного супермаркета. В одном из помещений на них выходяще оставились огромные торты. Пирожные с розочками и грибочками. Упитанные кремовые рулеты. На одном из них виднелся след то ли ноги, то ли большой лапы.

Пыльное папье-маше.

– Правильные консервы! – Роджер, разобрав надписи на бирках, саданул прикладом фанерную коробку, которая, сухо крякнув, явила шеренги банок со свернувшимися в рулончики этикетками.

– Подвох, – Джо принюхался. – Конечно, они испорчены.

– С чего бы? – Роджер по ковбойски воткнул нож в банку, лизнул лезвие. – За тридцать и даже пятьдесят лет хранения с ними ничего не случается. Ботулические токсины, они разлагаются, когда... Смотри, бобы, фасоль, сладкая кукуруза, грибы, соя и даже... он убавил голос ...свинина. Да тут, наверное, всякое такое запрещенное осталось. Проверим.

Роджер быстро проскакал по ввалившемуся эскалатору на верхний этаж. Здесь он увидел скривившиеся стеллажи, канцелярские товары, выцветшие карты и раскатившиеся по выщербленному полу глобусы.

– Упс! – ликующе воскликнул пилот. Он закинул стрелялку за спину, опустился на корточки и, став удивительно похожим на крупную крысу, принялся исступленно ворошить груды бумаг.

– Зачем нам эта макулатура? Надо твердо стоять на земле.

Берем самую калорийную еду и живо уходим.

– Смотри, здесь красивые телки, новенькие автомобили, хитрая техника, – Роджер потряс кипой журналов. – И про инопланетян статейки есть. Нонсенс, конечно, но занятно. Мир прошлого это ведь просто цветной сон после стакана антифриза.

Через час салон заполнился трофеями; банками, бутылками и пожелтевшими листками, на которых схемы органических молекул чередовались с фото соблазнительных красоток. Роджер прикрутил проволокой ведра, наполненные машинным маслом, так, чтобы они не кувыркнулись.

– Дело сделано, – удовлетворенно произнес Джо. – Летим домой, умник.

– Стойте!

– Соляры!?! Дюгоня! Люк! – Роджер радостно ругнулся, со скрежетом поставил стрелялку на предохранитель. – Что вы тут торчите?

– Хотим и торчим, – грубовато откликнулся Люк. – Вы сами как?

– Собирались высматривать ваши тела и запчасти, но не было керосина. Собственно, здесь мы по этому поводу. Алла и Эллина успели завести новых дружков. Так значит, с вашей коровкой несчастье?

– Ничего особенного, – пробурчал Люк. – Инжектор, кажется, засорился. Редуктор гремит, будто налопался гравия. Баки текут. Наш летательный аппарат нуждается в неот-

ложном ремонте, и вы нам поможете. Пилоты ведь братья? Не желаете взглянуть на неисправность? – Люк вопросительно оглядел авиаторов.

Летчики обошли феерический бархан из смикшированных былыми потрясениями автомашин, железяк, ржавых щитов, фонарных столбов, мусорных баков и скрученной пламенем проволоки.

Когда Дюгоня оказался за спиной Роджера, он весьма ловко ухватил пулемет за ремень и, размахнувшись, откинул в сторону. Металлическая штукovina с бряканьем, подобным злобному чертыханию, отскочила от бетонного бордюра и нырнула под брюхо длинномерного грузовика.

– Ты это... чего? – оторопело прокудахтал Роджер.

– Так надо, братец, – Соляр виновато улыбнулся. – Нам так поручили, чтобы дело обошлось без глупостей. В общем, нам всем повезло. Добро пожаловать в общество граждан Винвиля.

Груды деревянных кубов на улицах, будто по клику неслышимого человеческим ухом ультразвукового свистка, взревели и заворочались. Раньше их можно было принять за груды мусора, в художественном беспорядке наваленные вдоль обочин. Но то были дома новусов. Скоро появились и сами новые люди. Некоторое время зловеще молчали. Потом двинулись в сторону пилотов, перебирая лапками почти синхронно, словно многоногое насекомое.

Когда громадным черным мешком на Землю опустилась ночь, колесо мельницы с мерзким скрипом остановилось. Джо расстегнул лямку упряжки и без заминки махнул в угол ямы, на серый ворох тряпья и бумаг, служивший постелью. Через секунду старый пилот храпел.

Оставшийся в одиночестве Роджер понял, что сегодня не будет спать. Неудержимо хотелось поболтать. Как люди оказались здесь? Чем грозит будущее? Он знал, что через три или четыре недели такой работы замолчит, будет ходить, как слепая лошадка, без проблеска мысли, по кругу, вертеть жернова мельницы, глотать пыль, утирать пот. Без отдыха, без сна, пока не свалится, навсегда отбросив копыта.

Он откинул лямку, грустно выругался и уселся на ящик из-под консервов.

Приник к бутылки с отбитым горлышком.

– Гадкое питье, – нарочито громко молвил он, прополоскал горло и выплеснул воду в кувшин для умывания.

Джо безмолвствовал.

– Пока есть силы, надо думать о побеге, – жизнелюбиво изрек Роджер. – Те, кто захвачен таким трудом, долго не живут.

Джо перевернулся на другой бок.

Роджер остался в полном одиночестве.

В проем светит огромная, изъеденная оспинами кратеров Луна. Печальный свет укладывается на пластиковые щиты, укрепляющие стены подвала, на рисунки прежних оби-

тателей мельницы, на бескровные лица людей. Через полчаса, вместе с ночной прохладой появились бесчисленные легионы комаров. Роджер прихлопнул беспечное насекомое, и стер жирную теплую каплю с плеча.

Отправился за ширму.

Журчание и проклятия.

– Роджер?

– Грунтовые воды. Вчерашний дождь. Из ямы все уже прет наружу. Скоро поднимется выше колен.

Джо равнодушно молчал. Роджер обозревал происходящее, словно в первый раз. Посередине помещения обмерло громадное колесо, стискивающее спицами шероховатый жернов. На подстилке из листьев гигантского турнепса неаккуратной кучей громоздятся мешки с мукой. Громадные пресные лепешки, запеченные на боках стальных бочек с полыхающим внутри бензиновым костерком – любимое лакомство хозяев. Несколько дыр в потолке предназначены целям сообщения с внешним миром, вентиляцией и скудным источником освещения. На противоположной стороне от постелей пластиковая ширма отхожего места.

– С этого все и началось.

Джо перевернулся на другой бок и дернулся, будто видел дурной сон. В последние три дня это происходило все чаще. А может, так проявились первые симптомы ревматизма.

– Людям хотелось, чтобы животные выгуливали сами себя. Чтоб уже не требовалось раненко вставать, таскать па-

кетики и совочки, постоянно убирать за беззаботными домашними питомцами. Чтоб наоборот, сами без утомительной дрессуры и увещеваний, по первому требованию хозяина доставляли тапочки, и другие полезные предметы быта прямо к постели.

– А разве ваши тапочки не стоят возле кровати, где их оставили вечером?

– Кыш, – дружелюбно произнес Роджер.

– Миш! – последовал сверху лукавый ответ.

Роджер отвел взгляд от узкого окошка, листнул пару раз журнал, прищурился и отшвырнул его в грудку макулатуры, исполнявшей роль постели, одеяла и средства психологической разгрузки младшего пилота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.